

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Въ томъ душевномъ настроеніи, которое, подъ вліяніемъ указанныхъ условій, сложилось среди обитателей плавень, мысль о неизбежности искать спасенія отъ воцарившагося на землѣ антихриста объединила всѣхъ ихъ и получила особенное напряженіе вслѣдствіе распространившагося слуха о созданной антихристомъ переписи. Слухъ этотъ на почвѣ господствующаго религіознаго фанатизма получилъ обликъ реальности и оказалъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее направленіе всей жизни скита. „21-го декабря прошлаго года въ субботу, сидя у себя въ хатѣ вдвоемъ съ своею женою, я, говоритъ Ѡ. Ковалевъ, сталъ толковать съ нею по поводу предстоящей переписи; мы соглашались, что записываться не слѣдуетъ, но возникалъ вопросъ, какъ быть, если насъ посадятъ въ острогъ. Жена сказала, что она не боится острога и что, не будь у нея дѣтей, она бы сейчасъ пошла, но у насъ было двое дѣтей: двѣ дѣвочки, одна грудная, а другая трехъ лѣтъ, а мы слышали, что дѣтей не будутъ брать въ острогъ, такъ какъ они не виноваты; такимъ образомъ предстояло разстаться съ ними; между тѣмъ жена моя не соглашалась ни въ какомъ случаѣ разстаться съ ними; она рѣшительно сказала, что готова скорѣе зарыть и себя и дѣтей живыми въ яму, чѣмъ идти безъ нихъ въ острогъ. Когда она произнесла эти слова, меня даже страхъ взялъ; я почувствовалъ въ себѣ какую-то оторопь. Я обратился къ женѣ и сказалъ: „Что ты, говорю, несешь, дурная, можно ли самому руки на себя накладывать и живымъ зарывать себя въ землю“. Мысль ея такъ меня взволновала, что я тотчасъ же

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

поспѣшилъ къ старицѣ Виталіи и не входя даже въ келію, а прямо черезъ окно передалъ ей слова жены. Старица Виталія въ отвѣтъ на это возразила мнѣ, что дѣло, на которое рѣшается моя жена, хорошее, святое дѣло, что это путь къ спасенію и, что если я стану отбивать жену, то приму на себя грѣхъ. Она такъ на меня повліяла, что у меня весь страхъ прошелъ и я самъ готовъ былъ умереть; мысль о предстоящихъ мученіяхъ меня не терзала и никакой жалости по поводу того, что лишусь имущества и разстанусь съ міромъ, у меня не возникало, при мысли о такой смерти мнѣ казалось, что я точно собираюсь въ рай. Словомъ Виталія какъ-будто околдовала меня, также точно она подѣйствовала на нѣкоторыхъ другихъ. Кто-то далъ знать сейчасъ Ѳоминымъ о томъ, что жена моя хочетъ зарыть себя съ дѣтьми въ яму; жена Ѳомина Домна прибѣжала къ моей женѣ съ радостью на лицѣ и, выражая ей свое удовольствіе по поводу пришедшей ей мысли, сказала, что и она вмѣстѣ со своею дочерью согласна зарыться въ яму. Послѣ того изъявили согласіе на этотъ подвигъ Назаръ Ѳоминъ, работникъ ихъ Григорій и тотъ странникъ старикъ, который жилъ у насъ въ келіи два года; послѣдній говорилъ, что онъ уже слишкомъ старъ, едва ходитъ и потому предпочитаетъ умереть, чѣмъ идти въ острогъ. Наконецъ въ тотъ же день, въ субботу, какъ я слышалъ, пріѣхала откуда-то сестра Виталія Елизавета и тоже изъявила желаніе быть заживо погребенной. Весь день, воскресенье, каждый изъ рѣшившихся умереть былъ занятъ своимъ обычнымъ дѣломъ, а къ ночи всѣ собрались въ хатѣ Ѳоминыхъ. Назаръ Ѳоминъ сказалъ, что въ погребѣ своемъ онъ выроетъ яму, гдѣ всѣ они будутъ заживо погребены, и вмѣстѣ съ своимъ работникомъ Григоріемъ Кравцовымъ устроилъ въ погребѣ мину. Это было ночью съ воскресенья на понедѣльникъ, то-есть въ ночь на 23-е декабря прошлаго 1896 г. По окончаніи работы, Ѳоминъ на задней стѣнѣ мины устроилъ полочку, на которой поставилъ складную деревянную икону, на которой написаны всѣ Святые и всѣ праздники и которая именуется церковью; кромѣ того, передъ этой церковью онъ выставилъ нѣсколько восковыхъ свѣчей. Когда такимъ образомъ все было готово, всѣ мы съ Виталіей во главѣ собрались въ домъ Назара Ѳомина, гдѣ Виталія принялась служить „Всенощное бдѣніе“; мы ей помогали въ этомъ, читали, пѣли, послѣ чего всѣ мы стали прощаться другъ съ другомъ, обнимались, цѣловались, а болѣе слезливые всплакнули. По окончаніи всего этого братскаго прощанія, мы вышли изъ дома и всѣ вошли

въ погребъ и изъ рѣшившихся умереть за вѣру Христа и принять такимъ образомъ мученической вѣнецъ, въ эту яму первую вошла моя жена, имѣя на рукахъ грудного трехмѣсячнаго ребенка, дѣвочку Θεодору, а трехлѣтнюю нашу дѣвочку Степаниду она повела, держа ее за руку. Послѣднимъ въ яму эту вошелъ Назаръ Θоминъ, за которымъ я тоже хотѣлъ войти и умереть такимъ же образомъ, но Θоминъ уговорилъ меня остаться въ живыхъ, такъ какъ я принадлежу къ мѣстнымъ тираспольскимъ мѣщанамъ, имѣю осѣдлость и недвижимость и что на меня онъ возлагаетъ обязанность задѣлать ихъ гробъ такимъ образомъ, чтобы снаружи не было замѣтно, гдѣ именно въ стѣнѣ погреба сдѣланъ проломъ. Быть можетъ Θомина я и не послушался бы, но мать Виталія приказала мнѣ остаться снаружи и задѣлать мину, и только послѣ этого приказанія я остался и задѣлалъ мину. Для нашего грудного ребенка жена моя захватила съ собою и половину деревяннаго корыта для укачиванія его. Всѣ вошедшіе въ эту мину были одѣты въ монашеской одеждѣ и посмертномъ одѣянїи. Это посмертное одѣянїе заключается въ длинной, чернаго цвѣта шерстяной рубашкѣ, которая надѣта была на голое тѣло, а поверхъ нея надѣто было монашеское платье, состоящее изъ черной шерстяной маптіи, обшитой по краямъ краснымъ шерстянымъ шнуркомъ, и лестовки, подобіе монашескихъ четокъ. Войдя въ мину всѣ, порѣшившіе умереть, зажгли восковыя свѣчи передъ церковью на полкѣ, а затѣмъ принялись читать молитвы и житія святыхъ. Я же въ это время принялся задѣлывать проломъ, входъ въ эту самую мину и при этомъ присутствовали мать Виталія, моя мать Александра, сестра Уляна, глухонѣмой братъ Дмитрій и еще три неизвѣстныхъ по имени, отчеству и фамиліи женщины-монашки, составлявшія штатъ Виталіи и заключенныя впоследствии вмѣстѣ съ нею въ острогъ за бродяжество. По задѣлкѣ мины, всѣ мы, оставшіеся въ живыхъ, вышли изъ погреба и пошли каждый кто куда, одни молиться, а другіе взялись за работу. Послѣ этого я больше въ погребъ тотъ не заглядывалъ и что дѣлалось съ замурованными въ минѣ, не знаю. Лишившись такимъ образомъ жены и дѣтей, я, по совѣту Виталіи, принялъ монашество, въ каковой чинѣ посвятила меня мать Виталія. Кромѣ меня, матери моей Александры, сестры моей Уляны, брата моего Дмитрія, матушки Виталіи и сказанныхъ выше трехъ неизвѣстныхъ монашекъ, составлявшихъ штатъ матушки Виталіи, рѣшительно никто не зналъ и никому больше не было извѣстно о заживо погребенныхъ въ сказанной

выше минѣ. Въ то время, когда замурованы были жена моя и дѣти, мнѣ не жаль было ихъ: я такъ былъ настроенъ, что и самъ готовъ былъ полѣзть въ яму, но тѣмъ не менѣе, я нѣсколько разъ въ послѣдующіе дни подходилъ къ погребу и прислушивался, не слышно ли какого стука или крика; однако все было тихо. На вопросъ, почему зарывшіеся въ первой партіи взяли съ собой въ яму теплую одежду—объясняю, что одежду эту они разостлали на полу мины, т.-е. на землѣ, чтобы не было холодно ложиться на землю; передъ входомъ въ могилу, они сбрасывали сапоги и теплыя фуфайки. По вопросу, почему избрали себѣ именно смерть черезъ зарытіе себя въ землю живыми, а не какой-либо иной родъ насильственной смерти, объясняю: Виталія приводила какое-то изреченіе изъ Ефрема Сирина, гдѣ говорилось о посыпаніи землей и пепломъ и разъясняла, что такъ умереть не грѣшно. Я высказывалъ Виталіи свое опасеніе по поводу возложенной ею на меня обязанности зарывать въ землю грѣшившихся умереть. Виталія на это возразила текстомъ: „Кайнъ убилъ Авеля, зависти исполнился, Финіесъ же убилъ по благочестію и по закону Божію и поборая; той проклятъ, а сей же богоугоденъ, дѣло бо едино по разумѣ — противенъ“. Въ первой партіи послѣднимъ вошелъ въ мину, какъ я уже сказалъ. Назаръ Ѳоминъ. Залѣзши уже въ мину, Ѳоминъ просунулъ голову въ отверстіе и просилъ не препятствовать Увенанію Ковалеву распорядиться по своему усмотрѣнію заборомъ возлѣ дома, если тотъ не пожелаетъ уступить этотъ заборъ матери его, Ѳомина. Днемъ еще Ѳоминъ говорилъ мнѣ, что заборъ этотъ онъ ставилъ за свои деньги и таковой долженъ достаться его матери“.

Вслѣдъ за первую группу, а именно 27 декабря того же года, въ минѣ (ямѣ) у Суховыхъ, въ числѣ шести человекъ погребена была заживо Ѳ. Ковалевымъ вторая группа Плавнинскихъ фанатиковъ—изувѣровъ: „наканунѣ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, пришли ко мнѣ Суховъ и Павловъ и просили замуровать ихъ и близкихъ ихъ, при чемъ Виталія, присутствовавшая при объясненіи сказала, что это можно сдѣлать, дѣло хорошее, святое, при этомъ она прибавила: „потрудись ради Христа, всю жизнь будешь поститься и молиться, а не заслужишь того, что заслужишь этимъ дѣломъ“. Когда совершенно стемнѣло—я, Виталія, Прасковья Сухова и Губла пошли въ усадьбу Суховыхъ, гдѣ въ домѣ застали только Суховыхъ съ дѣтьми и дѣвочку Гублы. Мина (яма) была уже вырыта ранѣе Суховымъ и Гублой. Матвѣй Суховъ, хотя и любилъ выпивать, но на сей разъ

былъ совершенно трезвъ; Суховы говорили, что они постились и даже на праздникахъ не разгавлялись. Когда всѣ влѣзли въ мину, я впервые объявилъ имъ, что жена моя, Омина и другія уже зарылись, при чемъ сказалъ: „кланяйтесь нашимъ“. До того же я говорилъ Суховымъ и Гублѣ, что наши уѣхали. Раньше я боялся объявить имъ, чтобы не разболтали.

На вопросъ, какъ вели себя дѣти при помѣщеніи ихъ въ яму, объясняю, что онѣ не плакали, а старшая изъ нихъ Таня, зарытая, во второй партіи, по словамъ Прасковьи Суховой, даже торопила свою мать идти скорѣе въ яму. Когда я задѣлывалъ входныя отверстія мины въ первый и второй партіи, то слышалъ, какъ зарытые читали молитвы, а въ первой партіи даже пѣли“.

Таковъ безыскусственный рассказъ Ѳ. Ковалева объ обстоятельствахъ закопанія двухъ первыхъ группъ Плавнинскихъ изувѣровъ. Въ немъ всякая деталь цѣнна для оцѣнки роковой дѣйствительности. Показаніе это свидѣтельствуеетъ о томъ, что, въ стремленіи къ борьбѣ съ антихристомъ, несчастныя жертвы своей духовной немощи потеряли всякое чувство реальности, но за то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умерли для смерти, потерявъ къ ней всякій страхъ. На нихъ оправдалось изреченіе апостола (Посл. Галатамъ, I, 17), что „духъ желаетъ противнаго плоти“. Они ощутили въ себѣ близость Бога и слили въ своемъ представленіи настоящее съ фантазіей о будущемъ. Любопытно одновременное сочетаніе въ нихъ увѣренности въ будущей вѣчной, блаженной жизни съ заботами о дѣтяхъ, о необходимости мыть ихъ въ взятомъ съ собою корытѣ. Не лишено также значенія существовавшее въ нихъ сознаніе необходимости позаботиться о своемъ брешномъ тѣлѣ, взявъ съ собой нужную для этого одежду. Только распаленное религіознымъ фанатизмомъ, воображеніе могло создать въ нихъ трудно понимаемое для посторонняго душевное настроеніе. Не мало содѣйствовало образованію послѣдняго и окружавшая ихъ обстановка. Ночная темнота, зажженные свѣчи, пѣніе молитвъ, предварительная подготовка къ переселенію въ вѣчность едва-ли съ полнымъ сознаніемъ влекли ихъ къ осуществленію задуманнаго, когда шли они въ свои могилы. Настойчиво стремившійся впередъ бывшій съ ними ребенокъ свидѣтельствовалъ о той силѣ влеченія, которая создавалась необычной обстановкой. Значеніе особенно важнаго фактора въ эти минуты имѣло также, надо полагать, присутствіе Виталии—этой сильной женщины, все знавшей и силой воли своей безропотно покорявшей всѣхъ прикасавшихся

къ ней. Кому же какъ не ей знать, что для торжества надъ врагомъ Христа—антихристомъ, избранный ею путь для спасенія единственный. Въ эти моменты, какъ и всегда, Виталія занимаетъ центральное мѣсто и съ твердостью руководить поступками довѣрившихся ей поклонниковъ ея. Она посвящала въ монашество не успѣвшихъ еще принять таковое, шедшихъ на смерть лицъ. Принялъ это посвященіе также и Ѳ. Ковалевъ, сосредоточившійся затѣмъ по его словамъ на молитвѣ, а также чтеніи книгъ и рукописей, найденныхъ впослѣдствіи при задержаніи его. При замурованіи второй группы, также какъ и первой, неустанно присутствовала Виталія. Описанные Ѳ. Ковалевымъ моменты шествія близкихъ ему людей на смерть допускаютъ не только психологическое, но и фізіологическое объясненіе, безъ помощи презумпціи о психическомъ разстройствѣ душевныхъ силъ послѣдователей Виталии. „Когда, говоритъ Джемсъ (ib. стр. 199 и 260) новый центръ духовной энергіи народился въ подсознательной жизни, то онъ долженъ развиваться безъ сознательнаго участія въ этомъ съ нашей стороны“... „Невозможное дѣлается возможнымъ при господствѣ одного психическаго центра“.

Послѣ самозаконанія указанныхъ 15-ти человекъ, дальнѣйшее уничтоженіе Ѳ. Ковалевымъ, остальныхъ обитателей скита, пріостанавливается на довольно продолжительное время, и новыя жертвы изуверства предаются имъ землѣ лишь 11 и 27 февраля 1897 г. Причина этого замедленія, въ дальнѣйшемъ осуществленіи преступной дѣятельности Ѳ. Ковалева, заключалась главнымъ образомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя совершились въ Плавняхъ въ этотъ промежутокъ времени. Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли: 1) исполнительныя дѣйствія, предпринятая мѣстными властями для совершенія переписи, назначенной на 28 января и 2) краткосрочное заключеніе нѣкоторыхъ изъ обитателей Плавень и въ томъ числѣ Виталии въ тюрьму, вслѣдствіе отказа ихъ выяснитъ свою самоличность, а также привлеченіе ихъ судебнымъ слѣдователемъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ бродяжествѣ. Эти событія оказали крупное вліяніе на направленіе жизни скита. Онѣ сыграли роль грома, свидѣтельствующаго о томъ, что гроза подошла и проявитъ свою силу. Пришлось спуститься съ высоты религіозныхъ мечтаній и почувствовать прикосновеніе реальной жизни.

Хотя лишеніе свободы заключенныхъ длилось лишь нѣсколько дней, но освобожденіе ихъ и обратное поселеніе въ

Плавни подь надзорь полиціи было неизбѣжно. Упорство, съ которымъ заключенные отказывались отъ пищи, и происшедшее отсюда обезсиленіе ихъ были настолько серьезны, что власть, считаясь съ этими обстоятельствами, вынуждена была отпустить ихъ на свободу. Это освобожденіе, нужно полагать, задержанные объяснили по-своему. Врагъ не выдержалъ и, испугавшись своихъ дѣйствій, временно отказался отъ нихъ. Въ первой схваткѣ съ антихристомъ побѣдилъ не онъ, а сопротивлявшіеся ему и тѣмъ настойчивѣе должно было проявиться изувѣрство скитянь въ ихъ дальнѣйшихъ поступкахъ. По удостовѣренію Ѡ. Ковалева, привезенныя изъ острога монашки, а также мать Александра дрѣшили, показалъ онъ, умереть голодною смертью; почти ничего не ѣли, изрѣдка и понемногу поддерживали силы баклажанами, изрѣдка-же и также понемногу пили воду и смачивали губы снѣгомъ, чтобы уменьшить внутренній жаръ. Монашки эти и Виталія говорили, что слѣдуетъ найти мѣсто, куда можно было бы скрыться отъ людей, и тамъ умереть незамѣтно для постороннихъ. Онѣ боялись умирать на глазахъ стражи, чтобы послѣ смерти ихъ не вскрывали и не надругались надъ ними. На стражѣ все время стояли двое десятскихъ; сотскій иногда навѣдывался. Вечеромъ въ четвергъ (27 февраля) сотскій забралъ стражу“.

Съ момента возвращенія лишенныхъ свободы скитянь изъ тюрьмы въ Плавни, борьба съ антихристомъ не прекращается, а обнаруживаетъ лишь нѣкоторые признаки безпокойства и опасеній за дальнѣйшес. Врагъ неумолимъ и временное, сдѣланное имъ облегченіе не имѣетъ важнаго значенія. Съ другой стороны многіе изъ скитянь ослаблены голодомъ и утомлены борьбою. Къ тому же многихъ изъ близкихъ по духу скитянь уже нѣтъ въ живыхъ. Все это не могла не сознавать Виталія, оставшаяся по-прежнему центромъ жизни своего скита, уже сократившагося. Увѣренная въ себѣ, она едва-ли могла быть вполне убѣждена въ стойкости всѣхъ окружавшихъ ее лицъ, хотя и безпредѣльно преданныхъ ей. Если самый близкій ей человекъ, Александра Ковалева, говорила, что она женщина слабая, можетъ не устоять и нуждается въ поддержкѣ такой сильной духомъ женщины, какъ Виталія, то теперь, послѣ первой схватки съ антихристомъ и при громадности принесенныхъ уже жертвъ можно было опасаться, что близкія Виталіи лица не устоятъ въ дальнѣйшей борьбѣ.

И дѣйствительно, со стороны Виталіи усматривается особая забота о скорѣйшемъ осуществленіи задуманнаго для прекра-

щенія дальнѣйшаго существованія своего и своихъ скитянь ради спасенія ихъ душъ. Когда власти, замѣтивъ исчезновеніе многихъ, стали производить разслѣдованія по этому предмету и заинтересовываться судьбой семьи Суховыхъ, Виталія, узнавъ объ этомъ, по удостовѣренію Ѳ. Ковалева, стала его „усердно благодарить за свое временное укрытіе Суховыхъ“, при чемъ неоднократно повторяла „сколько бы [ты ни постился, ни молился, не заслужилъ бы такъ у Бога, какъ тѣмъ, что уже зарылъ“.

Не одна только Виталія сознавала необходимость воспользоваться краткою, послѣ освобожденія заключенныхъ, передышкою для того, чтобы скорѣе перебраться въ вѣчность. Виталія, по словамъ Ѳ. Ковалева, опасаясь, что монашки не устоятъ отъ соблазна, стануть принимать пищу и погубятъ свою душу, проповѣдывала среди скитянь мысль, что „едина душа дороже всего свѣта“. На сподвижницъ Виталіи оказывало большое вліяніе слухъ, что если онѣ не успѣютъ въ мартѣ умереть, то ихъ погонятъ этапомъ и осквернятъ. Всѣ стали просить Ѳ. Ковалева зарыть ихъ въ землю живыми, при чемъ выражали желаніе быть погребенными въ томъ же погребѣ Ѳоминыхъ, гдѣ зарыта была его жена и другія, т. к. боялись быть зарытыми гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напр. въ степи, чтобы ихъ тамъ не нашли и не надругались надъ ихъ тѣлами. „Закопай насъ, говорили онѣ, гдѣ бы то ни было, хоть въ простой ямѣ и засыпь сверху землей“. Мысль о закопаніи живьемъ особенно настойчиво развивалась среди скитянь также и въ виду того, что попытка заморить себя голодомъ въ тюрьмѣ не привела къ желаемому и примѣненіе этого рода смерти оказалось многимъ не подъ силу. Такъ, молодой работникъ Александры Ковалевой—Григорій Кравцовъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Виталіи за благонравіе и за то, что „не пьетъ, въ игры не играетъ, не ѣстъ олен и нигдѣ не приписанъ“, не рассчитывалъ на то „что у него хватить силы воли совсѣмъ отказаться отъ пищи“, а потому предпочелъ зарыться въ первой партіи. Рѣшимость умереть посредствомъ самозакопанія твердо установилась среди скитянь также и потому, что Виталія приводила какое-то изреченіе изъ Ефрема Сирина, гдѣ говорилось о засыпаніи землей и пепломъ при чемъ Виталія разъясняла, что такъ умереть не грѣшно.

Не послѣднюю роль въ совершившихся массовыхъ смертяхъ сыграла родственная связь, соединявшая самозакопавшихся другъ съ другомъ. „Такъ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, братъ Дмитрій былъ очень привязанъ къ матери и не хотѣлъ разстаться съ нею. Онъ говорилъ, что если мать возьмутъ въ острогъ, а его не возьмутъ,

то онъ ляжетъ подъ стѣной острога и будетъ лежать, пока не умретъ". Многозначительны также мотивы къ лишенію жизни сестры Ѳ. Ковалева Ульяны, точно также находившейся въ сердечныхъ отношеніяхъ къ своей матери. То обстоятельство, что она, несмотря на отрицаніе матери, была, по показаніямъ Сибилева, признана ея дочерью и внесена въ перепись, крайне смущало Ульяну. Она находила, что этимъ занесеніемъ въ перепись она осквернена, и Виталія признавала нужнымъ по этому поводу читать надъ нею очистительную молитву. Опасаясь новыхъ записей, а также чтобы искупить свой грѣхъ она рѣшилась зарыться, называя Сибилева, опознававшего ее, Іудой-предателемъ.

Снисходя на энергичныя предъявлявшіяся ему просьбы о закопаніи, Ѳ. Ковалевъ исполнилъ эти просьбы въ отношеніи третьей и четвертой группъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

О намѣреніи третьей и четвертой группъ зарыться въ землю разговоры происходили неоднократно. Нѣкоторые предлагали кинуться въ Днѣстръ, но это предложеніе было отвергнуто изъ опасенія, что трупы могутъ всплыть, ихъ станутъ вскрывать и надругиваться надъ ними. „Въ понедѣльникъ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, отправился я вмѣстѣ съ двумя старыми монашками, Виталіей, Порасковъей Суховой и Ульяной въ усадьбу Ермолая Горзина, гдѣ раньше, еще лѣтомъ, видѣлъ погребъ. Тутъ было безопасно, не было собакъ и погребъ находился позади сарая, въ отдаленіи отъ жилого дома, зашли мы съ задней стороны усадьбы—со стороны усадьбы“. Когда яма была готова, Ѳедоръ Ковалевъ приступилъ къ закапыванію четырехъ монашекъ, просившихъ объ этомъ. „Первою въ яму вошла моя сестра Ульяна. Я стоялъ въ ямѣ и помогалъ ей и остальнымъ тремъ прыгать въ яму, поддерживая ихъ руками. Затѣмъ я вылѣзъ изъ ямы, и онѣ легли рядомъ. Я насыпалъ землю сперва на ноги, по мѣрѣ накопленія земли, таковая сама собою насыпалась все ближе и ближе къ головамъ. Когда остались открытыми однѣ головы—лежавшія въ ямѣ стали другъ съ другомъ прощаться, говоря: „Матушка, прости Христа ради“. Со мною онѣ простились раньше. Когда мы шли къ ямѣ въ усадьбѣ Горзиныхъ, то взяли съ собой фонарь, закрытый полотенцемъ, и нѣсколько стеариновыхъ свѣчей двадцатериковыхъ. Прилагаемый фотографическій снимокъ изображаетъ извлеченныхъ изъ ямы въ усадьбѣ Ермолая Горзина, четырехъ труповъ, а именно сестры обвиняемаго Ѳ. Ковалева—Ульяны, Прасковьи и Суховой и двухъ, проживавшихъ въ усадьбѣ Ковалева, монашекъ, которыя во время переписи арестованы не были. Это та самая Ульяна Ковалева, которая

убивалась тѣмъ, что несмотря на отрицаніе ея матери Александры Ковалевой, была опознана въ своей самоличности и которая вслѣдствіе этого страстно искала смерти, изнуряя себя голодомъ и умоляя брата заживо погребсти ее въ ямѣ.

Условія, при которыхъ такимъ образомъ произошло самозаконаніе третьей группы, свидѣтельствуютъ объ происшедшихъ въ направленіи жизни скита существенныхъ измѣненіяхъ, сравнительно съ декабремъ мѣсяцемъ. При первыхъ самозаконаніяхъ отправлявшіеся на казнь шли видимо убѣжденными въ томъ, что они не совсѣмъ кончаютъ съ жизнью свои расчеты, а только переходятъ въ лучшее существованіе, удаляясь отъ антихриста и приближаясь къ царству небесному. Едва-ли сложилось однако у нихъ явственнае представленіе объ ожидавшемъ ихъ. Земное и небесное синтезировалось въ нихъ едва-ли полностью, а соотвѣтственно этому въ ихъ дѣйствіяхъ обнаружилась смѣсь необычайной силы воли, способности жертвовать интересами личнаго существованія, а съ другой стороны недоразвитость мысли и потеря чувства реальности, обусловившіе весь ужасъ и все убожество ихъ положенія. Взятые съ собой въ мину въ первой группѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, разбитое корыто, съ цѣлью обслуживать нужды дѣтей, одежда, постланная на сырую землю, въ видахъ предупрежденія простуды, книги и молитвенники, захваченные съ собой для болѣе или менѣе долгаго пользованія, торжественная обстановка ночного шествія въ нарочито одѣтыхъ платьяхъ, при зажженныхъ свѣчахъ, пѣніе молитвъ при проводахъ ближнихъ,—все это указывало на высокій существовавшей тогда подъемъ жизненности, а не на безнадежно подавленную психику. Ничего подобнаго не усматривалось уже въ февралѣ мѣсяцѣ. Самозаконавшіеся въ третьей группѣ находились подъ господствомъ одной только мысли,—какъ бы поскорѣе покончить съ своимъ невыносимымъ личнымъ существованіемъ, при чемъ никакихъ уже иллюзій относительно завтрашняго дня не дѣлалось. Многочисленные скитяне не сопровождали уже шествіе третьей группы въ могилу: ихъ замѣнилъ исполнитель казни Феодоръ Ковалевъ, и только одна Виталія присутствовала еще при актѣ закапыванія и, нужно полагать, нравственно поддерживала несчастныхъ.

Та же безнадежность и безвыходность положенія проявлялась и въ обстановкѣ тѣхъ скитянъ, которые вошли въ четвертую группу самозаконавшихся. По словамъ Ѳ. Ковалева, днемъ въ пятницу 28 февраля, онъ зашелъ въ погребъ Ѳоминыхъ, дверь котораго всегда была открытой, осмотрѣлъ его и увидѣлъ, что

можно вырыть мину подъ стѣной, а землю разбросать на полу, т. к. порогъ высокъ и это будетъ незамѣтно. Объ этомъ онъ сообщилъ Виталію и остальнымъ рѣшившимся закопаться, и всѣ стали его усердно благодарить. Ночью съ зажженнымъ фонаремъ, обернутымъ снаружи полотенцемъ, онъ со спутницами спустился въ погребъ и, заперевъ за собою двери, принялись за работу. Мы, продолжаетъ Ковалевъ, съ братомъ Дмитріемъ, взяли двѣ лопаты и для удобства онъ отпилилъ ручку одной изъ нихъ, послѣ чего мы легли на животъ и стали рыть землю и выбрасывать ее въ погребъ руками, лопатами и ногами. Виталія и остальные разбрасывали землю по всему погребу и утаптывали ее ногами. Для удобства я вынулъ снизу стѣны одинъ камень, а когда всѣ залѣзли, заложилъ этотъ камень на прежнее мѣсто и закрылъ отверстіе мины двумя камнями, чтобы при забивкѣ отверстія сверху землей таковая не сыпалась бы на ноги людей. Первымъ влѣзъ въ мину братъ Дмитрій, Виталія влѣзла третьей. Всѣ рѣшившіеся умереть прощались сперва дома, при чемъ обнимались и цѣловались другъ съ другомъ и со мной, забравшись же въ мину, говорили лишь: „прости Христа-ради“. Въ послѣдней партіи съ Виталіей зарылась Пелагея Матвѣевна младшая (одна изъ самыхъ близкихъ, какъ мы видѣли, Виталію монашекъ). Забивши отверстіе, я вышелъ изъ погреба“.

Такъ окончила свое земное существованіе лже-монахиня Виталія—эта замѣчательная во многихъ отношеніяхъ женщина, можно сказать, создавшая скитъ въ Плавняхъ, организовавшая борьбу съ антихристомъ и принесяшая при помощи Ѳ. Ковалева многочисленныя человѣческія жертвы, какъ результатъ ея религіознаго фанатизма, погубивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и себя.

Какъ ни велико было ея значеніе въ этомъ дѣлѣ, ретроспективный взглядъ на происшедшее даетъ основаніе для заключенія, что, не найди она въ Плавняхъ, среди обитателей ихъ, благопріятныхъ условій для успѣшности своей пропаганды, таковая не привела бы къ столь роковому концу.

При такихъ условіяхъ и въ такихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ выразилась, въ концѣ XIX в. подъ городомъ Тирасполемъ, борьба мѣстнаго раскольничьяго населенія съ антихристомъ—событіе совершенно исключительнаго свойства, не имѣющее, повидимому, ничего аналогичнаго съ формами преступности, обнаружившимися въ жизни другихъ, современныхъ намъ странъ Европы

Въ Тираспольскомъ событіи обнаружилось не мало конкрет-

ныхъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что, несмотря на всю силу идейнаго увлеченія мыслью объ антихристѣ и необходимости борьбы съ нимъ, рѣзко проявилось міровоззрѣніе матеріалистическаго свойства. Антихристъ рисовался воображенію скитянъ, не въ качествѣ духовнаго начала, а въ качествѣ тѣлеснаго существа, воцарившагося на землѣ и набирающаго себѣ воинство для подавленія всѣхъ преданныхъ истинному Богу людей. Хотя представленіе о загробной жизни и сложилось на почвѣ идеалистической, но приняло оно въ вѣроученіи скитянъ матеріальный обликъ. Прощаясь съ земной обстановкой своей жизни въ Плавняхъ, они видимо полагали, что на небесахъ ожидаетъ ихъ новое жилище, приуроченное къ ихъ земнымъ потребностямъ. Такія матеріалистическія черты, обнаружившіяся въ міровоззрѣніяхъ скитянъ, можно найти и въ представленіяхъ русскаго народа о смерти и загробной жизни. На основаніи изслѣдованій причитаній, духовныхъ стиховъ и другихъ источниковъ русскаго, народнаго творчества Я. Генерозовъ ¹⁾ приходитъ къ заключенію о матеріальности представленія нашего народа о душѣ. Она изображается какъ существо, которое можетъ пить, ѣсть, гдѣ нибудь стать, за что-нибудь ухватиться. Во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ приносятъ на могилы ѣду и приглашаютъ усопшихъ „хлѣба, соли откушать“; чтобы облегчить смертную борьбу умирающаго, снимаютъ надъ нимъ потолокъ или поднимаютъ матицу, т. е. брусъ въ потолокъ; какъ только человѣкъ умираетъ, немедленно отворяютъ окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водой и вѣшаютъ полотенце, чтобы душа, улетающая, могла умыться и утереться. Такимъ же матеріалистическимъ характеромъ окрашиваются и предположенія о жизни праведныхъ въ раю: „всѣ праведные взяты будутъ на облацы небесныя; пища готовится имъ вся различная; одежда во вѣки не изнашиваемая; лицо праведныхъ просвѣтится солнцемъ праведнымъ; тамо нѣтъ болѣзни, ни плача, ни слезъ, но все радость и веселье безконечное“. Переходъ души въ загробную жизнь представляется отправленіемъ „въ путь-дорогу“, а сама загробная жизнь рисуется въ условіяхъ земной жизни: пастухъ находитъ тамъ отличные луга для своего скота, охотникъ ловитъ и убиваетъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, за умершимъ отправляются его лошади, собаки, оружіе, лодки и рыболовныя

¹⁾ Я. Генерозовъ: „Русскія народныя представленія о загробной жизни“ — 1883 г. стр. 2, 5, 18, 21, 30 и др.

снасти и т. п. Такія идейныя представленія очевидно сложились подъ неотразимымъ вліяніемъ природы и унаслѣдованы отъ язычества. То, что разъ отложилось въ психикѣ, не уничтожается полностью, а вмѣстѣ съ новыми наслоеніями психической жизни образуютъ одно цѣльное ¹⁾.

Отъ этихъ остатковъ языческаго міровозрѣнія, отъ этого объединенія жизни земной съ жизнью небесной, какъ продолженіе ея, Виталія не сумѣла охранить себя и руководимыхъ ею скитанъ. Она знала тексты священнаго писанія, но видимо толковала ихъ, не выяснивъ себѣ духа ученія Христа. „Нѣтъ ничего противнѣе этому духу, говоритъ проф. Тарѣевъ ²⁾, какъ думать, что загробная жизнь есть продолженіе нашей видимой, земной жизни съ ея личными интересами и вѣшними благами; плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царства Божія и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія“ (Кор. I, XV, 50). Между тѣмъ въ міровозрѣніяхъ Виталіи и ея сподвижниковъ блаженство, котораго они искали въ царствѣ небесномъ, представлялось для нихъ, повидимому, конечною ступенью развитія ихъ земной жизни. Благодаря этому міръ идей и явленій дѣйствительности, въ концѣ концовъ, до такой степени слился въ ихъ умѣ воедино, что была утеряна почва подъ ногами, а вмѣстѣ съ нею и мѣра къ опредѣленію жизненности своихъ вѣрованій. Они перестали понимать, гдѣ кончается дѣйствительность и гдѣ начинается область идей, мистическихъ влеченій. Въ исторіи нашего раскола уже занесены случаи такого забвенія реальности. Такъ, въ XVII в. ожидая соотвѣтственно нѣкоторымъ указаніямъ апокалипсиса, наступленія царства антихристового, люди собирались толпами, молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ и съ трепетомъ ожидали архангельской трубы, оповѣщающей о кончинѣ міра. По господствовавшему въ ту пору возрѣнію кончина міра должна была заявиться въ полночь, вслѣдствіе чего, при наступленіи ночи, ревнители стараго благочестія надѣвали бѣлыя рубахи, саваны и ложились въ долбленные изъ цѣльнаго дерева гробы ³⁾. Протопопъ Авва-

¹⁾ Указанныя грубо матеріалистическія черты народной психологій не составляютъ однако исключительно принадлежности русской народности. *Prof. Dr. Fh. Achelis* „Abriss der vergleichenden religionswissenschaft“ стр. 48, 138 и др., любопытно, что средневѣковая догматика схоластически разработала (у Тома Аквинскаго) загробную жизнь въ условіяхъ, напоминающихъ земное существованіе.

²⁾ *Проф. Тарѣевъ*: Христіанское міровозрѣніе, т. III, стр. 144.

³⁾ *П. Милуковъ*: Очерки по исторіи русской культуры, ч. II, стр. 49.

кумъ, въ разгарѣ этихъ ожиданій, уже видѣлъ антихриста собственными глазами: „я, братья мои, писалъ онъ, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, — право, видѣлъ! Плоть у него вся смрадъ и тѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ“. Повидимому, только уничтоженіемъ грани, отдѣляющей дѣйствительность отъ понятій, можно объяснить существованіе тѣхъ многочисленныхъ, массовыхъ самоистребленій, о которыхъ свидѣлствуетъ исторія нашего раскола ¹⁾. Если бы въ конечномъ результатѣ жестокія мѣры самоуничтоженія не сулили фанатикамъ въ будущемъ ничего соблазнительнаго, едва-ли онѣ были бы примѣняемы. Виталія и ея послѣдователи были однако глубоко убѣждены въ дѣйствительности ожидающаго ихъ впереди блаженства; притягательная сила послѣдняго была настолько велика, что забыты были изреченія апостола о томъ, что „любящій душу свою погубить ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранить ее въ жизнь вѣчную“. (Іоан. XII, 24, 55) и что „кто захочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“. (Мѡ. X, 39, XVI, 24). Они уклонились также отъ пониманія той истины, что Христосъ призываетъ не къ счастью, а къ тому, чтобы нести Его крестъ и взять Его иго.

Разобщившись съ дѣйствительностью и потерявъ пониманіе истины христіанскаго ученія, они пошли ложнымъ путемъ и должны были въ этомъ убѣдиться. Они не вникли въ достаточной степени въ слова священнаго писанія о томъ, кому суждено не увидѣть смерти во вѣки? На этотъ вопросъ евангелистъ Іоаннъ (VIII, 5) отвѣчаетъ категорически: „тому, кто соблюдаетъ Слово Мое“, а этого слова самозакопавшіеся не соблюдали, такъ какъ уклонились отъ заповѣди Христа „возьми Крестъ свой и слѣдуй за Мной“. вмѣсто хожденія этимъ путемъ, они прибѣгли къ самоубійству и тѣмъ оказали противодействие велѣнію Спасителя. Сознаніе этой ошибки они ощутили, надо думать, предъ самой смертью своею и притомъ тогда, когда избраніе новаго пути для спасенія было уже невозможно. Для того, чтобы понять весь ужасъ ихъ запоздалаго просвѣтленія.

¹⁾ *Смирновъ*. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. 1898 г. стр. CII, CV, CVI (о саможиганіяхъ). Самоистребленія, говоритъ онъ, богаты видѣньями, стр. 78, 122. См. также о саможиганіяхъ литературные источники на стр. 63, 80, и слѣд. *Смирновъ*: Споры и раздѣленія въ расколѣ... 1909 г. стр. 352—362, 81—86.

достаточно сопоставить признаки ихъ настроенія въ моменты, предшествующіе самозакопанію, съ тѣми фактическими данными, о которыхъ свидѣтельствуютъ протоколы судебно-медицинскаго освидѣтельствованія ихъ труповъ. Они шли на самозакопаніе (въ особенности тѣ, которые входили въ первую группу) въ восторженномъ настроеніи, не опасаясь смерти и не ощущая могильнаго холода, при вхожденіи своемъ въ вырытыя для нихъ ямы. Они могли бы въ эти моменты съ полнымъ основаніемъ воскликнуть словами Оссія: „смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?“ (Коринѣ. I, XV, 55). Но какъ ужасно должно было быть ихъ разочарованіе и ихъ ужасъ въ слѣдующіе за тѣмъ моменты, закончившіе ихъ земное бытіе.

Обнаруженные въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1897 г. трупы дали основаніе для ихъ судебно-медицинскаго осмотра, и для заключенія врачей о причинахъ послѣдовавшихъ смертей и обстоятельствъ, ихъ сопровождавшихъ. Выяснилось, что большинство труповъ находились въ такомъ періодѣ разложенія, что на нѣкоторые вопросы—какъ напримѣръ вопросъ и дѣятельности Виталіи—врачи не могли дать своего заключенія. Они установили тѣмъ не менѣе съ несомнѣнностью, что смерть послѣдовала отъ асфикціи, то-есть отъ прегражденія доступа воздуха въ легкія, что наступленіе смерти было мучительно и что періодъ агоніи не для всѣхъ самозакопавшихся группъ былъ одинаковъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что закопавшіяся непосредственно въ ямахъ, вслѣдствіе набрасыванія земли на улегшихся въ свою могилу лишены были всякаго доступа воздуха, равно какъ возможности движеній. Трупъ Виталіи, а также прахъ похоронившихся съ ней монашекъ (между прочимъ близкой ей при жизни Пелагеи Матвѣевой, младшая) лежали въ ямѣ. Яма эта, или мина, гдѣ схоронилось шесть взрослыхъ людей, имѣла въ длину около $\frac{3}{4}$ сажени, въ ширину 5 ар. и въ вышину $\frac{3}{4}$ арш. По заключенію врачей, смерть людей этой группы должна была послѣдовать не болѣе какъ черезъ 10 или 15 минутъ, послѣ ихъ закопанія. Яма въ усадьбѣ Горзина, въ которой похоронились четверо лицъ и между прочимъ Ульяна Ковадева (трупы которыхъ изображены на фотографическомъ снимкѣ по ихъ вынутію изъ ямы), имѣла глубины $2\frac{1}{2}$ арш., при чемъ всѣ трупы усмотрѣны лежащими на правомъ боку. Эти трупы, по удостовѣренію протокола осмотра, „одѣты въ длинныя, черныя, смертныя рубахи и такія же черныя мантии съ красной каймой; ноги обернуты чернымъ холстомъ, въ сандаліяхъ перевязаны краснымъ шнуркомъ

крестообразно. У всѣхъ на головахъ камилавки, на шеѣ кипарисные кресты. Первый трупъ старой монашки и второй Прасковьи Суховой и одѣтъ въ полную схиму; у обѣихъ схимницъ парамантъ, на правой рукѣ у всѣхъ кожанная лестовка. На Суховой и Ульянѣ Ковалевой оказались вериги, на первой желѣзные, на второй мѣдные. Вериги зацѣпляются крючкомъ. У всѣхъ труповъ волосы на головахъ длинныя, неподстриженныя. На днѣ ямы, изъ которой вынуты трупы, найдено рядно“.

Не излагая содержаніе всѣхъ другихъ протоколовъ судебно-медицинскаго осмотра, устанавливающихъ много тождественныхъ фактическихъ данныхъ, представляетъ особый интересъ сдѣлать выдержки изъ осмотра 9-ти труповъ, найденныхъ въ погребѣ Назара Ѳомина, принадлежавшихъ первой группѣ самоубившихся. Какъ то указано было, уже эти страдальцы собственнаго изувѣрства рѣшились покончить съ своимъ существованіемъ въ тѣ моменты жизни, когда въ нихъ господствовало ничѣмъ не нарушавшееся восторженное настроеніе. Соотвѣтственно этому къ устройству ихъ могилы приложено было особое стараніе къ тому, чтобы обставить послѣднія минуты ихъ жизни соотвѣтственно ихъ религіозному настроенію. Въ протоколѣ значится, что „когда отверстіе въ стѣнѣ было разрушено (судебнымъ слѣдователемъ въ интересахъ изслѣдованія) настолько, что можно было войти въ мину, то при освѣщеніи магнія и свѣчей на полу въ минѣ оказались трупы людей, изъ которыхъ четыре лежали отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ и положеніяхъ, остальные, неизвѣстно сколько, лежали группой, кучей, самымъ входомъ въ мину. Мина имѣетъ въ длину 5 арш., въ ширину 2 и въ вышину 3 арш.... Отдѣльно лежавшіе трупы были „трупъ матери съ младенцемъ у праваго ея бока (то-есть трупъ Александры Ковалевой съ младенцемъ, котораго она кормила). Мать лежала навзничъ, лѣвая верхняя конечность, согнутая въ локтѣ, покоилась на груди, правой придерживала ребенка“...

Приведенныя фактическія данныя этого послѣдняго протокола говорятъ объ многомъ. Положеніе труповъ, скопившихся въ кучу у входа, свидѣтельствуетъ о томъ (по мнѣнію врачей), что, почувствовавъ нестерпимое удушье, многіе изъ замуровавшихся искали спасенія и группировались въ темнотѣ у выхода изъ мины, обезсиленные, громоздясь другъ на друга, тщетно старались найти выходъ. Но въ покойной жевѣ Ѳ. Ковалева Александрѣ материнское чувство не заглушилось личными стра-

даніями. и лежащій обособленно трупъ ея съ рукой, не отсутствовавшей младенца изъ груди ея, краснорѣчиво свидѣтельствуеть о томъ, что должна была испытать она въ агоніи, какъ мать, приведенная на ужасную смерть двухъ, нуждавшихся въ ея заботѣ и помощи, дѣтей (трупъ второго ребенка лежалъ не далеко отъ нея).

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

